

БОГЕМСКАЯ ТЕМА В ЭМБЛЕМАТИКЕ БРАНДЕНБУРГСКОГО ОРДЕНА ЛЕБЕДЯ

[20.03.2004] // Михаил Медведев

Феномен светского рыцарского ордена явился на свет при королевском дворе(1). Впоследствии подобная знаково-корпоративная организация светского рыцарства получила широчайшее распространение в Европе, варьируясь сообразно местной ситуации. Вполне естественно, что при могущественном государе возникает орден, сфокусированный на его особе и органически связанный с его двором. Там, где таковых государей не было или же где отношения с ними не складывались, рыцари нередко пытались сами компенсировать недостачу, сообщая себе парадный антураж, вплоть до выбора “короля” корпорации и придания ему “придворных”, как это было в Сообществе Осла, изученном Андреасом Ранфтом. Существовали и разнообразные промежуточные формы, отражавшие различные способы взаимодействия государей и магнатов с одной стороны, окружавшего их рыцарства - с другой.

И все же условными образцами для орденов и благородных сообществ оставались централизованные союзы во главе с монархами. Между тем, в тени своего суверенного господина светский орден нередко оказывался корпорацией (обществом, “религией”, “университетом”(2) и пр.) лишь номинально. Позволив себе широкое обобщение, можно сказать, что светские рыцарские ордена(3) сложились и развивались как высшая - наиболее сложная и торжественная - форма *ливрейной* организации приближенных и союзников(4) (позднее мы увидим, что к подобным обобщениям приводит сама терминология XV столетия).

В типологическом, в терминологическом и в чисто событийном плане орденская и ливрейная практики обычно не имели четкой границы. Маркировавшийся ливреей круг приближенных сеньора мог являть собой более цельный и длительный социальный организм, нежели многие ордена, наделенные формальными статутами. Знак ордена чрезвычайно часто повторял форму ливрейного деви́за основателя (орлеанский орден Дикобраза, арагонский орден Кувшина, бретонский орден Горноста́я и т.д.) или носился на цепи, воспроизводящей эти девизы (Золотое Руно, савойский Воротник). Неаполитанский орден Горноста́я может служить примером объединения обоих приемов. Подобные ливрейные ожерелья с девизными звеньями и (или) подвесками нередко раздавались сеньорами как наиболее почетные формы ливрей, без какого-либо намека на корпоративность. Напротив, облачения чисто монархического ордена могли иметь характер “корпоративной ливреи”: таковы покрытые многократно повторенным знаком ордена ранние плащи кавалеров Подвязки или же, например, венки из листьев и цветов, предназначенные для кавалеров неаполитанских орденов Узла и Корабля.

В знаковом оформлении орденов и сообществ обычно доминировали символическое обозначение добродетели или атрибуты святого; самая суть светского ордена была в том, чтобы приподнять круг членов-кавалеров над прозаической совокупностью приближенных или обыденным соседским альянсом, освятив верность государю или общему уговору универсальными символами добродетели. Однако эти символы нередко ложились и в основу “простых” ливрейных знаков, служа одновременно личным знаком сеньора и отвлеченным символом его возвышенных качеств, или не менее личным знаком его небесного покровителя. О том, сколь зыбкой быть граница между благочестивым образом и опознавательной эмблемой, напоминает знаменитый спор маршала Клермонского и сэра Джона Чендоса из-за сходных изображений Божией Матери на их одеждах (5). Из почтения к Ней же Фердинанд I Арагонский украсил цепь “своего” ордена Кувшина общеизвестным марианским символом - вазой с лилиями(6) и сам благочестиво носил это изображение на одежде: в результате знаковая природа цепи Кувшина оказывалась и небесной, и королевской.

Итак, феномен орденов и орденоподобных сообществ не только охватывал обширный спектр институциональных и социальных форм, но и не имел четкой границы, которая отделяла бы его от девизной практики. Неудивительна нарочитая обобщенность просторечных терминов, применявшихся современниками к этому явлению. На западе и юге Европы знаки королевских и княжеских орденов и даже (*pars pro toto*) сами корпорации сплошь и рядом именовались девизами соответствующих

государей; нередко эти обороты попадали и во вполне официальные тексты(6). Для Германии, напротив, централизованные рыцарские союзы во главе с монархом и пышные ливрейные обычаи (вкуче с подобающей им социальной организацией) были менее типичны; и здесь в качестве обобщающего определения для орденов, орденopodobных союзов и девизов выступал термин **Gesellschaft**, опять-таки с отнесением этого слова в конкретном случае или к официальному названию ордена, или к форме знака, или к святому патрону, или - особенно часто - к государю, таковой Gesellschaft раздающему. Ныне же, при желании обобщить, обычно используется слово *орден*.

То, что мы называем сегодня Орденом Лебедя, в действительности именовалось Сообществом Божией Матери (Selschapp onnser Liuen Frowen; Gesellschaft zum Lobe der Jungfrau Maria). Сообщество было основано в 1440 году маркграфом Фридрихом II Железным, вторым Бранденбургским курфюрстом из дома Гогенцоллернов, а спустя три года получило из рук основателя обстоятельный устав.

Не давая здесь ни социально-политической, ни институциональной характеристики Сообществу(7), замечу, что источником вдохновения для Фридриха II явился уже упоминавшийся королевский арагонский орден Кувшина, основанный и получивший статут в 1403 году(8). На это указывает совпадение по множеству позиций. У арагонского прототипа Фридрих мог позаимствовать и общую композицию знака(9), и открытость корпорации для дам и девиц, и параллельное существование “золотого” (позолоченного) и серебряного варианта цепи(10). На фоне этих соответствий не кажется случайной и общность святой покровительницы. Осведомленность Фридриха II об арагонском ордене неудивительна; среди кавалеров Кувшина был и император Сигизмунд Люксембургский, пожаловавший Бранденбург вместе с электорскими правами отцу Фридриха II, Фридриху I (и приходившийся шурином брату последнего). Но сколько бы курфюрст ни подражал королевскому ордену, королевской мощи ему самому явно недоставало. Со времени вокняжения нюрнбергской ветви Гогенцоллернов в Бранденбургской марке прошло менее четверти века. Пустить корни, закрепиться в княжестве - эта задача сохраняла для правящего дома актуальность. Отсюда и проистекло стремление Фридриха II через посредство основанного *гезелльшафта* обеспечить “гезелльность”, добрые отношения и связи с весьма широкими кругами местного рыцарства. Этим были предопределены и уже упоминавшийся прием в Сообщество представительниц лучшего пола, и доступность членства равно для высшей и для сравнительно мелкой знати, и наследуемость членства, и отсутствие жесткой централизации.

Сравнительному “демократизму” и “горизонтальности” Сообщества соответствовало преобладание в его знаках религиозной символики над светской, владельческой эмблематикой. Изначально во всем оформлении ордена присутствовал лишь один светский притяжательный знак, причем в замаскированном виде - его эмблематичность осталась нераскрытой ни в учредительной грамоте, ни в статуте, хотя оба акта содержали подробное описание и толкование орденских знаков. Позднее, в 1484 году, маркграф Альбрехт Ахилл попытался использовать Сообщество Лебедя для расширения влияния во Франконии и в грамоте об основании “южнонемецкого языка” Сообщества в Ансбахе перетолковал лебедя, понимавшегося ранее христологически, в символ франконского свободомыслия. Но и на этот раз изначальный светский эмблематизм знакового элемента остался нераскрытым.

Речь идет о полотенце, окружающем фигурку лебедя. Учредительная грамота 1440 года толковала этот элемент как символ чистоты, ожидающей праведника (омывшего свои грехи) за гробом. Но иконография полотенца не позволяет сомневаться в его происхождении от более ранней эмблемы - от сходным образом завязанного платка или полотенца, служившего девизом Вячеславу Люксембургскому(11), королю Германии и Чехии.

Любимый девиз Вячеслава известен по множеству изображений; он употреблялся королем в качестве отдельной эмблемы, в соединении с гербом, с другим девизом - зимородком(12), и, наконец, в сочетании с аллегорическими фигурами, из числа которых особенно типичны и примечательны хорошенькие, порой полуголые девушки-купальщицы или банщицы(13). Весьма вероятно, что тема купальщицы не просто развивает тему духовного омовения, уже заявленную девизом полотенца, но даже первична по отношению к этому девизу и восходит к Мелюзине, легендарной прародительнице люксембургского дома и привычному персонажу его эмблематики. По крайней мере некоторые детали позволяют предположить это(14). Так или иначе, основной ролью королевского полотенца (платка, повязки) было не обозначение абстрактных качеств и событийных реалий, а указание

на персону обладателя знака.

В известном смысле судьба этого девиза оказалась счастливее судьбы короля Вячеслава. В 1395 году он пожаловал право носить свой девиз, впридачу к герцогскому титулу, Джан Галеаццо Висконти; вскоре *capitulum cum gassa* (головная повязка с узлом - так определили эту эмблему в Италии) был переосмыслен как собственная эмблема миланских герцогов и стал одним из излюбленнейших их девизов, а равно отразился и в геральдической практике их приближенных. В 1438 году, вскоре после смерти императора Сигизмунда, его зять и преемник Альбрехт Великодушный(15) в борьбе за свои чешские права решил воспользоваться полотенцем Вячеслава в качестве знака своего преемства к Люксембургскому дому вообще(16). Уже будучи главой венгерского ордена Дракона и австрийского ордена Наставлений (или Орла), Альбрехт основал их чешский аналог - орден Полотенца (или Платка; *ordo Tusini*)(17).

Собственно, преемственности этого ордена по отношению к девизу Вячеслава до сих пор не уделялось должного внимания. Д'А. Боултон в своем фундаментальном труде приводит свидетельства трех различных авторов, никак не раскрывающие ни названия, ни символики ордена(18). Орден глухо упоминается новейшими немецкими авторами; А. Ранфт называет его лишь затем, чтобы высказать сомнение в его корпоративной природе(19). В эрудитской традиции образ ордена был существенно искажен; приписываемый ему в уваже А.-М. Перро червлёный крест(20) в действительности, скорее всего, относится к старинному чешскому ордену Красной Звезды. До недавнего времени моя уверенность в том, что "Тусин" есть вячеславовское полотенце, не находила необходимых оснований; и я глубоко благодарен московскому коллеге Льву Масиелю Санчесу, указавшему мне на свидетельство, не учтенное в труде Боултона - рассказ путешественника-кастильца Пере Тафура о пожаловании ему королем Альбрехтом своих девизов: Дракона, Орла, "а равно и Тусина, иначе сказать - полотенца"(21). Неудачи Альбрехта в Чехии, его скорая смерть в 1439 году и драматическая судьба его сына не позволили закрепиться "богемскому ордену"; но Сообщество Лебеда было основано по горячим следам.

Фридрих II имел вполне ясные основания заявить о своей доле в выморочном люксембургском наследстве. В территориальном отношении он ею уже владел. Именно Люксембургскому дому - сперва Вячеславу(22) (1373-1378), затем Сигизмунду, Иодоку (Йошту) Бородатому и, наконец, снова Сигизмунду принадлежала, до ее передачи Гогенцоллернам, Бранденбургская марка. Для пожалования электората отцу Фридриха II в 1410-х годах Сигизмунд был вынужден даже пуститься на финансово-правовые уловки, чтобы обойти фамильные права Вячеслава(23). Используя люксембургский девиз в знаке своего Сообщества, Фридрих заявлял о легитимности своего преемства; но заявлял как бы вполголоса, не расшифровывая этой знаковой декларации в декларациях вербальных. И это, скорее всего, объясняется не призрачностью преемства, связывавшего Люксембургов и Гогенцоллернов, а тем, что князь-основатель вообще избегал открытого помещения какой-либо "хозяйской" эмблемы в знаке Сообщества. Он не желал лишний раз подчеркивать центричность и вертикальную подчиненность структуры Сообщества, на горизонтальное распространение которого немало рассчитывал.

Ссылки и примечания:

1. Д'А. Боултон совершенно справедливо считает первенцем основанное в 1320-х годах Карлом I Робертом Анжуйским, королем Венгрии, Братское рыцарское общество во имя Святого Георгия. Общество обладало всеми признаками светского ордена, кроме самого наименования *ordo*. Основанный в 1330 году Альфонсом XI кастильский Орден Ленты впервые ввел в светский рыцарский обиход понятие *la orden* (а также *Maestre de la orden*), придавая уже существующему типу рыцарской организации быстро укоренившееся нарицательное имя. См.: Boulton D'A.J.D. The Knights of the Crown. N.Y., 1987.

2. *Universitas*, т.е. объединение, община. См.: *ibidem*, p.32

3. В отечественной страноведческой фалеристике существует традиция разграничивать **ордена** (некорпоративные наградные институты и их знаки) и **ордены** (корпорации). Но это разграничение едва ли убедительно приложимо к средневековым реалиям - как, впрочем, и к части современных.

4. Медведев М.Ю. К вопросу о роли ливрей в средневековой геральдической тради-

ции.//Бюллетень всероссийской ассоциации медиевистов... №8. М.1997.С.26-30.

5. Анализ этой истории, описанной Фруассаром, в контексте геральдического использования сакральной символики см.: Dennys R. *The Heraldic Imagination*. London, 1975. P.104-105.

6. По кувшиноподобной вазе с лилиями орден получил и свое название. Другие имена, под которыми этот орден известен - орден Столы, Грифона, Лилии, Приветствия (собственно, Кувшина Приветствия; имелось в виду благовестительное приветствие архангела Гавриила Деве Марии).

7. Так, в акте 1330 года Иоанн II Кастильский определяет знак Ордена Ленты как свой девиз: "la mi divisa". Этот и множество аналогичных примеров см.: Boulton, p.63 et passim. Подобным образом знак мог быть отнесен, минуя корпора-цию, и к святому патрону. См.: Montaner Frutos A. *El señal del Rey de Aragón: Historia y Significado*. Zaragoza, 1995. P.69.

8. Подробнее об этих аспектах обсуждаемой темы, а также о религиозно-нравственном значении символики Сообщества, см.: Медведев М.Ю. Орден Лебеда в ряду придворных орденов позднего Средневековья.//Средние Века. Вып.60. М.1997. С.416-419; Stillfried R., Graf von. *Die Schwanenorden*. Halle, 1845.; Stillfried R., Hänle S. *Das Buch vom Schwanenorden*. Berlin, 1881; Hänle S. *Urkunden und Nachweise zur Geschichte des Schwanen-Orden*. Ansbach, 1876.

9. Об ордене Кувшина см.: Boulton, p.330-338.

10. Знаком ордена Кувшина был грифон с вьющейся лентой в лапах, подвешивавшийся или непосредственно к цепи, или же к медальону с изображением полуфигуры Божией Матери с младенцем над полумесяцем. Сообществу Лебеда знаком служил подобного вида медальон с привешенной к нему фигуркой лебеда, окруженного свитым в кольцо платком (полотенцем).

11. Вероятно, первый тип цепи был в обоих случаях предназначен для рыцарей, а второй - для тех, кто еще не получил посвящения.

12. Автор позволяет себе называть Венцеслава (Вацлава, Венцеля) Люксембургского "русифицированным" именем. Эта заслужившая многие нарекания ономастическая вольность объясняется как следованием практике, оформившейся еще в дореволюционной историографии, так и фактом прямого и весьма значительного для короля преемства Венцеслава к своему далекому родичу и предшественнику на пражском престоле, святому князю. Он же присутствует в отечественной культурной традиции прежде всего как святой и, неизбежно, как Вячеслав).

13. Возможно, зимородок был не отдельным девизом, но служил раскрытию символической природы полотенца. Согласно Овидию (Метаморфозы, XI, 270-748) боги обратили в зимородка Алкиону, царицу Фессалийскую, когда она бросилась в море, получив известие о гибели мужа в кораблекрушении; по меткому замечанию Л. Дюрлоо, этот образ омовения-смерти и одновременно перехода к бессмертию, образ верности "даже до смерти" убедительно соотносится с мученичеством св. Иоанна Непомуцкого, в гибели (утоплении) которого Вячеслав был виноват и должен был публично (Бог весть, насколько искренне) каяться (см.: Medvedev M. *The Towel as a Badge of Wenceslas, King of Germany and Bohemia, and its Transformations*.//Genealogica et Heraldica. Ottawa 1996. Ottawa, 1998. P.410).

14. Все эти варианты воспроизведения девизного платка, кроме варианта с зимородком, можно видеть на первой странице роскошной копии Золотой Буллы Карла IV, выполненной в 1400 году. Национальная библиотека в Вене, Ms. 338.

15. Едва ли не главным атрибутом вячеславовых купальщиц, помимо самого полотенца, была кадка, банная шайка. Такая же кадка служила и характерным атрибутом геральдического изображения Мелюзины, о котором см. в кн.: Loutsch J.-C. *Armorial du pays de Luxembourg*. Luxembourg, 1974; Idem. *Le cimier au dragon et la légende de Mélusine*.//Actes du 6e Colloque international d'heraldique. Bruxelles, 1990. P.181-204; Pastoureau M. *Du masque au totem*.//Figures et couleurs. Paris, 1986. P.149,153; и др. Ценные сведения даны в кн.: Raadt J.T.de. *Sceaux armoirés des Pays-Bas...*, t. I-II, Bruxelles, 1898-1899. Другая параллель с легендой о Мелюзине - подглядывающий за купальщицей (купальщицами) - рыцарь. В венской копии Золотой Буллы он выглядывает из-за королевского инициала, дополняя аллегорическую постановку.

16. Альбрехт II в своем римско-германском качестве; Альбрехт V в качестве главы дома Габсбургов; он же Альбрехт I Богемский и Венгерский.

17. Похоже, Сигизмунд не имел эмблемы подобного рода, отчего Альбрехт и прибег к наследию его брата. Возможно, что в апелляции к Вячеславу “через голову” нелюбимого гуситами Сигизмунда был и некий политический расчет.

18. Альбрехт так и не добился реальной власти в Чехии, но его “чешский орден” был именно атрибутом богемского королевского достоинства - хотя бы и титульного. Об этом свидетельствуют ставшие кавалерами Полотенца кастильские путешественники, о которых см. ниже.

19. Boulton, p.345.

20. Ranft A. Adelsgesellschaften. Sigmaringen, 1994. P.30; См. также: Kruse H., Paravicini W., Ranft A. Ritterorden und Adelsgesellschaften im spätmittel-alterlichen Deutschland.//Kieler Werkstücke. Reihe D., t.1. Frankfurt/Main. No.67.

21. Perrot A.-M. Collection Historique des Ordres de Chevalerie. Paris, 1820. Согласно Пеппо, “Тусин” основан в 1562 году.

22. “...dióme sus devisas, ansí la del Dragon, que es de Ungría, como la del Aguila, que es de Austerlic, como el Tusenique, que quiere dezir tovaja, que es de Bohemia”. Jiménez de la Espada. Andanças e viajes de un hidalgo español, Pero Tafur (1436-1439). Barcelona, 1982. P.275. “Товая” - это современное испанское “toalla”. Забавное присоединение латинского *que* к названию ордена появляется также в рассказе другого кастильского “охотника за орденами”, Диего де Валеры (Boulton, *ibidem*) и, вероятно, заимствовано обоими из грамот пожалования, предположительно выписанных на все три девиза сразу.

23. Пользуюсь случаем исправить свою ошибку в оттавской статье (Medvedev. The Towel... P.409), где пребывание Вячеслава на бранденбургском княжении было упущено.

24. Помимо поземельных люксембургско-цоллернских связей можно упомянуть династические, в данном случае сравнительно слабые. Союз Маргариты Люксембургской, сестры Вячеслава и Сигизмунда, с братом Фридриха I Иоганном остался без потомства, хотя и был близок по времени и памятен. Самому Вячеславу была первоначально просватана представительница Гогенцоллернского дома, но брак не состоялся.

От редакции:

Представленная здесь статья развивает тему, ранее затронутую в докладах автора 23 мая 1996 года на историческом факультете СПбУ (значительно сокращенная публикация: Медведев М.Ю. Орден Лебеда в ряду придворных орденов позднего Средневековья.//Средние Века. Вып. 60. М., 1997. С. 415-419) и 20 августа 1996 г. на XXII Международном конгрессе генеалогической и геральдической наук (Medvedev M. The Towel as a Badge of Wenceslas, King of Germany and Bohemia, and its Transformations. // Genealogica et Heraldica. Ottawa 1996. Ottawa, 1998. P. 407-412).

Иллюстрация, использованная в качестве заставки к статье, позаимствована со страниц специализированного интернет-ресурса К.Х. Федерера Der Brandenburgische Schwanenorden, который мы искренне рекомендуем всем, интересующимся историей Ордена Лебеда.